

— Ты, часом, не запал на ту хунскую девицу?

Пэй Вэньли произнес это так буднично, что Фэн Чжанцзюэ, все еще мысленно возвращавшийся к музыке, вздрогнул. Он заколебался: стоит ли рассказывать Пэй Вэньли об услышанной мелодии?

— Ты расслышал в этой песне что-нибудь... — начал было Фэн Чжанцзюэ, но его прервал вошедший молодой человек в сером халате.

— О! Какое совпадение! Неужели это молодой генерал Фэн и господин Пэй? — юноша, держа в руках чайную чашку, бесцеремонно вклинился между ними, одарив их невероятно добродушной улыбкой.

Лицо показалось до боли знакомым.

Пока Фэн Чжанцзюэ лихорадочно соображал, кто это такой, Пэй Вэньли уже приветливо кивнул:

— Господин Вэнь Юнь.

Это же тот самый Вэнь Юнь, который на государственном банкете поднимал за него чашу!

— Давно не видел вас наяву, — едва открыв рот, Вэнь Юнь похоронил всякое желание Фэн Чжанцзюэ продолжать беседу. Он небрежно, словно в шутку, ковырнул старую рану: — Начитаешься бульварных романов, а потом вживую видишь людей — и как-то непривычно. Эй, вы читали такие книжки? Больше всего мне нравятся Аромат теплого полога, Мой муж — первый красавец страны и Генерал жаждет ласки.

У Фэн Чжанцзюэ дернулся уголок рта, и он процедил сквозь зубы:

— Не читал и не интересуюсь.

Отказ ничуть не смутил Вэнь Юня, и он переключился на Пэй Вэньли:

— А ты? Читал?

Пэй Вэньли с интересом отозвался:

— Слышал о них. Но куда больше самих книг меня занимает их автор. Обладать таким мастерством слова... Автор, должно быть, невероятно образованный человек, возможно, даже кто-то из придворных ученых.

— Ха-ха... — Вэнь Юнь нервно хмыкнул, по его лбу выступил холодный пот, и он поспешил сменить тему: — Да что вы, вряд ли. Автор книг зовется Нонгкэ, небось просто какой-то бездельник.

— Нонгкэ? Любопытно. Быть может, в его имени есть что-то связанное с сельским хозяйством? Например, у господина Вэнь Юня в имени есть иероглиф юнь — возделывание, — Пэй Вэньли взглянул на собеседника так, словно видел его насквозь.

Вэнь Юнь утер пот со лба и поспешил откланяться:

— Кстати, в моей комнате как раз чай закипает, прошу прощения. Почитайте как-нибудь на досуге, для развлечения.

Сказав это, он умчался быстрее зайца, и дверь его кабинета тут же захлопнулась.

— Ушел? — Фэн Чжанцзюэ вдруг осенило. — Да он и есть тот самый Нонгкэ! Ну конечно, как же иначе! Слух о том, что я, напившись, взял в жены мужчину, разлетелся так быстро — ведь он был очевидцем!

Внизу снова зазвучала утонченная музыка, словно выступление Ху Баня было лишь призрачным отражением в воде, которое никогда не случалось на самом деле.

— Так что ты хотел сказать? — спросил Пэй Вэньли, но за это время Фэн Чжанцзюэ уже передумал.

— Я хотел сказать, что не запал на ту хунскую девицу, — Фэн Чжанцзюэ потянулся, вернулся в кабинет и сел пить чай.

Пэй Вэньли с улыбкой последовал за ним и плотно прикрыл дверь — в комнате разлился аромат чая. Он сел напротив Фэн Чжанцзюэ, который по-прежнему выглядел рассеянным. Пэй Вэньли решил поддразнить его:

— Ну, раз не запал... Видимо, тебе нравятся такие, как я: чистые, как цветок лотоса, без лишней мишуры.

Фэн Чжанцзюэ: «...» Довольно, этот чай пить невозможно.

Сумерки сгущались. Труппа остановилась в захудалом дворике на окраине города. Лошади, навьюченные поклажей, жались по углам. Если присмотреться, во дворе можно было заметить музыкальные инструменты, но если приглядеться еще внимательнее — почти у каждого из труппы за поясом виднелся короткий изогнутый нож.

Красивая хунская девица прислонилась к деревянной балке, подбрасывая на ладони кошель с сегодняшней выручкой и то и дело поглядывая на ворота, словно кого-то ждала.

— Хайригу, когда вернется Жана?

Юноша с приятными чертами лица, возившийся на столе с метательным оружием, поднял голову, посмотрел на небо и буркнул:

— Он не говорил. Не знаю, удалось ли ему пробраться во внутренний город. Сестрица Улань, я проголодался.

Хунская девица с мелодичным звоном швырнула кошель на стол. Глаза Хайригу блеснули, он схватил деньги и собрался бежать за едой. Но стоило ему потянуться к калитке, как ворота распахнулись, и на пороге возникли две высокие фигуры.

— Хайригу, ты куда?

— Купить поесть.

Мужчина, шедший впереди, с пером за ухом, отрезал:

— Собери всех, нужно кое-что обсудить. Поешь позже.

Хайригу уныло поплелся обратно к столу, тыкая пальцем в лежащее оружие, и тихо проворчал:

— Вернулись поздно, так еще и поесть не дают, с голоду помру. Проклятый Жана!

— Улань, как у тебя успехи? Видела того парня? — предводитель вальяжно прошел к столу, велел Хайригу убрать опасные игрушки.

Улань поправила локоны и кокетливо улыбнулась:

— Видела. Какой же он статный, мне очень нравится~

Остальные хунны вздрогнули. Мало кто мог пережить «любовь» Улань: в прошлый раз, когда ей приглянулся мужчина, она изрезала его своим кривым ножом семьдесят семь раз.

— Хм, нравится — и хорошо, — мужчина сжал челюсти. Он никогда не забудет ту картину, когда прибыл к племени Чагань Бажи: юрты были сожжены дотла, а сам Чагань Бажи лежал в луже крови с перерезанным горлом.

Рядом с трупом лежала ослиная шкура, на которой нагло было выведено: «Здесь побывал истинный Бай Ху».

Жана тогда свистом созвал несметные стаи орлов, чтобы устроить брату небесное погребение.

— А ты, Жана? — Улань прикусила алыми губами край и спросила: — Ходил во внутренний город? Проник в дом семьи Фэн?

— Пробраться туда сложно. Нужно найти кого-то из народа Великого Синь, кто будет работать на нас, — Жана сжал кулаки, и чернота в его глазах сменилась багровым цветом.

Это вы первыми нарушили договор, а теперь хотите вернуться и получить награду за службу! Ждите, семья Фэн, я заставлю вас заплатить за все!

— Ты хочешь сказать, что в Цзинду затесались люди Хунну?

Фэн Тайпин, едва вернувшись с плаца и не успев перевести дух, услышал весть от Фэн Чжанцзюэ.

Взгляд Фэн Чжанцзюэ был полон решимости. Он с силой ударил по каменному столу:

— Это точно были другие племена Хунну! Я слышал, как в Нефритовом тереме весны хунская труппа играла Циншан! А та женщина еще и смотрела на меня! Это был вызов!

У Хунну пять племен. Он разгромил лишь Чагань Бажи, что на юге, а два других племени были с ними в тесной связи — скорее всего, они пришли мстить.

— Отец, раз я смог уничтожить одно племя, я справлюсь и с остальными двумя! Я сейчас же пойду и перебью их всех! — возмутился Фэн Чжанцзюэ. Неужели Великий Синь — это проходной двор, куда каждый может заявиться?!

— Стоять! — Фэн Тайпин, раздраженный его шумом, нахмурился еще сильнее. — Нельзя тревожить Императора. Нужно действовать скрытно. В ближайшие дни не выходи из внутреннего города, упражняйся на плацу. Скоро зимняя охота, оставь это дело мне.

Не тревожить Императора? Разве не лучше будет доложить ему? Если задействовать все городские войска, можно окружить хуннов так, что им не сбежать!

Фэн Чжанцзюэ заметил: как только дело касалось Императора и Хунну, отец всегда начинал осторожничать.

Фэн Тайпин поспешно направился к выходу, но на пороге обернулся:

— Нефритовый терем весны — место утонченное, откуда у тебя тяга к культуре, чтобы ходить туда пить чай?

Фэн Чжанцзюэ хотел было возразить, но задумался и понял: он действительно не силен в культуре и даже в чайной церемонии ничего не смыслит. Пришлось честно ответить:

— Пэй Вэньли пригласил.

— Ты не говорил ему об этом деле?

— Нет.

— Ну, хоть в этом не такой уж дурак. Кстати, он договорился заранее или решил спонтанно?

Этот вопрос заставил Фэн Чжанцзюэ замереть. А что, если Пэй Вэньли тоже на стороне Хунну и специально заманил его туда...

— Не стоит подозревать Пэй Вэньли. Он человек Императора, с хуннами дел не имеет. Просто ответь на вопрос, — Фэн Тайпин торопился и, видя, как сын замялся, понял, что тот опять забрел в дебри догадок.

Пойманный с поличным, Фэн Чжанцзюэ про себя извинился перед Пэй Вэньли и ответил:

— Наверное, спонтанно. Он пришел на плац искать меня и вспомнил об этом внезапно.

Если спонтанно... если они случайно зашли в Нефритовый терем весны, случайно встретили трупку и случайно услышали именно Циншан... Не слишком ли много случайностей?

Фэн Чжанцзюэ покрылся холодным потом. Если подумать, он сам не ходит в такие места, а трупка вряд ли стала бы караулить именно там.

Если отбросить случайности, остается одно: с того самого момента, как он вышел из внутреннего города, за ним следили хуннские лазутчики, которые и довели его до Нефритового терема весны!

А он даже этого не заметил!

— Хм, в ближайшее время о выходе из внутреннего города забудь, пусть Лайфу ходит с тобой,
— Фэн Тайпин, встретив его тяжелый взгляд, хотел было сказать что-то успокаивающее, но

гордость не позволила. Он просто развернулся и вышел за ворота резиденции Фэн.

Что же происходит? С того самого момента, как он вернулся в Цзинду, одно несчастье за другим. Сначала коррупция в Министерстве финансов, теперь — проникновение хуннов. А он-то думал, что под защитой Императора Цзинду — самое безопасное место.

Такое чувство, что кто-то невидимый толкает его в спину.

Фэн Чжанцзюэ с досадой посмотрел на каменный стол, по которому уже пошли трещины.

Чего же хочет этот человек? Я обязательно его выведу на чистую воду!

Чем больше он думал, тем сильнее запутывался. Оставалось надеяться на отца: с его способностями поймать шпионов в Цзинду должно быть делом несложным. А перед самим Фэн Чжанцзюэ сейчас стоял лишь один путь — зимняя охота.

Он не верил, что кукловод упустит такой шанс!

Дни становились короче, осень вступила в свои права. Листья в садах опадали, а ночи становились все холоднее.

В полнолуние дворец продолжал сиять огнями. Ночные цветы еще не распустились, зато жасмин источал тонкий аромат.

В беседке в глубине сада был накрыт стол: закуски и несколько бутылок вина с ароматом османтуса. Император, одетый в глубокий халат, дождался, пока императрица уйдет в кухню выбирать лакомства, и спросил юношу в парчовых одеждах напротив:

— Как там в Цзяннани?

Услышав свое имя, Пэй Вэньли поднял глаза и почтительно ответил:

— Ваше Величество, нужно ехать туда лично. Нити, ведущие к ломбардам и банкам, оборвались. Как только помощника министра финансов бросили в тюрьму, я отправил людей в Цзяннань, но там остались лишь случайные люди, а управляющие давно сбежали, прихватив золото.

Словно ящерица, отбросившая хвост.

— Переждем зиму, когда потеплеет, станет проще передвигаться по воде. Зимняя охота станет отличным представлением.

В этом году Император, сославшись на то, что ему во сне явилась покойная Вдовствующая императрица, пожелал увидеть своих братьев. А поскольку приближался конец года, он приказал всем правителям областей прибыть в столицу для празднования, заодно пригласив их на охоту.

Как и говорила тетушка, чем старше становился Император, тем сильнее разгоралась его подозрительность. Это приглашение было не чем иным, как пиром в Хунмэне.

Император отпил вина, но оно уже остыло, и он закашлялся.

— Ваше Величество!

Евнух Цуй тут же протянул ему платок, который Император принял и начал медленно вытирать губы.

— Ваше Величество, вы не простудились? — императрица, вернувшаяся с поваром, услышала кашель и ускорила шаг. Она погладила его по спине, помогая дышать.

— Годы берут свое, тело уже не то, что прежде, — Император усмехнулся, но в его глазах не было ни тени веселья.

Императрица взяла у него из рук винную чашу и передала служанке:

— Иди подогрей.

— Что вы такое говорите, Ваше Величество? Осень — пора обманчивая: днем жарко, ночью прохладно, легко схватить простуду. Ваше драконье тело в порядке, просто берегите тепло, — императрица нежно разминала ему плечи, и Император постепенно закрыл глаза, погружаясь в полудрему. Она прошептала ему на ухо: — Позже я схожу в аптекарский приказ к лекарям за успокаивающим и укрепляющим отваром, а также велю приготовить имбирный чай, чтобы согреть вас.

В этот праздничный вечер Пэй Вэньли чувствовал себя лишним.

— Ваше Величество, госпожа, время позднее, позвольте мне откланяться.

Император, не открывая глаз, издал звук согласия, а императрица тут же велела служанке проводить Пэй Вэньли с фонарем.

Идя по дворцовой дорожке, он поднял голову на яркую луну.

Снова один. Хорошо, хоть ты мне составляешь компанию.

Холодный ветер пробирал до костей. Пэй Вэньли плотнее закутался в сине-зеленый плащ, ступая по лунному свету. Он вспомнил о семье Фэн: они тоже вдали от дома, разделены, и в этом году они наконец могли встретить Праздник середины осени вместе.

Как проводила эти шесть лет Армия семьи Фэн на границе? Фэн Чжанцзюэ, должно быть, очень скучал по дому. Он рвался к подвигам не только из честолюбия, но и из желания вернуться в родной очаг?

Воссоединение.

Сможет ли семья Фэн действительно воссоединиться?

Пэй Вэньли вспомнил партию, которую он разыграл — борьбу загнанного зверя. Великий генерал Фэн пытался вырваться из осажденного города. А настоящим зверем в ловушке был маленький тигр — Фэн Чжанцзюэ.

Именно ему предстояло прорвать этот круг.

<http://bllate.org/book/21899/2275085>